

Фёдор Плевако

Судебные речи

Москва
2016

УДК 82-51
ББК 67.7
ПЗ8

Плевако, Ф.
ПЗ8 Судебные речи / Ф. Н. Плевако. — М.: Книга по Требованию, 2016. — 208 с.

ISBN 978-5-519-49587-5

Данный сборник представляет собой собрание выступлений адвоката на различных процессах того времени, как в качестве защитника, так и в качестве гражданского истца. Книга дает достаточно полное впечатление о личности Ф. Н. Плевако, его деятельности. Сборник работ также дает представление об общественно-политической жизни страны тех лет, состояния судебной системы и т.д.

УДК 82-51
ББК 67.7

ISBN 978-5-519-49587-5

© Книга по Требованию, оформление, 2016

Дело Бартенева

А. М. Бартенева предан суду по обвинению в умышленном убийстве артистки Марии Висновской. По обвинительному акту дело состояло в следующем.

В феврале 1890 года кто-то из знакомых Бартенева представил его Висновской в кассе Варшавского драматического театра. Милостивая наружность известной на всех сценах артистки произвела на Бартенева сильное впечатление. Через некоторое время он сделал Висновской визит, но, чувствуя некоторую робость в ее присутствии, бывал у своей новой знакомой редко и ограничивался лишь посылкой букетов и изредка утренними посещениями. Позднее Бартенева стал бывать у Висновской чаще и, наконец, сделал ей формальное предложение вступить с ним в брак. Это предложение зависело от согласия на этот брак родителей Бартенева, с которыми он во время отпуска должен был переговорить.

Съездив в деревню, Бартенева с родителями, однако, не говорил об этом, ибо наперед знал, что получит отказ. Висновской же он сказал, что с родителями говорил, но их согласия не добился.

Бартенева все чаще стал посещать Висновскую, ежедневно посылал ей на дом и на сцену мелкие подарки и букеты, и таким образом поддерживались между ним и Висновской хорошие отношения. Эти отношения простого знакомства круто переменялись 26 марта 1890 г. Вечером этого дня, после ужина в квартире Висновской, последняя отдалась впервые Бартеневу. Счастье Бартенева, однако, не было полным. Большой сценический успех, красивая наружность и сильно развитое кокетство Висновской привлекало к ней мужчин, и их посещения вызывали в Бартенева чувство ревности. Под влиянием этого чувства и горя, что он не может жениться на

Висновской, Бартенев часто говорил ей о своем намерении лишиться себя жизни; Висновская же, охотно говорившая о кончине и окружавшая себя эмблемами смерти, поддерживала этот разговор и показывала банку, в которой, по ее словам, был яд и маленький с белой ручкой револьвер. Во время одного из таких разговоров Висновская спросила Бартенева: хватило ли бы у него мужества убить ее и затем лишиться себя жизни? В другой раз она взяла с него обещание, что он известит ее об окончательном решении покончить с собой и даст ей возможность увидеть его и проститься с ним. Мрачные мысли, однако, быстро сменялись шумными пирушками в загородных ресторанах и любовными свиданиями. Рядом с ними шли, однако, взаимные неудовольствия и легкие размолвки. Как-то в мае Висновская заявила Бартеневу, что его ночные посещения компрометируют ее, и просила его, если он желает встречаться с ней наедине, приискать квартиру в глухой части города. 16 июня 1890 г. комната, нанятая Бартеневым в доме № 14 по Новгородской улице, была отделана, и в тот же день Бартенев предложил Висновской взять ключ от этой квартиры. «Теперь поздно», — ответила она и, не объясняя значения слова «поздно», утром следующего дня, то есть 17 июня, уехала на целый день на дачу к матери. Мучимый ревностью и объясняя отъезд Висновской и слово «поздно» желанием прервать с ним отношения, Бартенев написал Висновской полное упреков письмо, которое оканчивалось заявлением, что он лишит себя жизни. Одновременно с письмом он отослал ей все полученные от нее письма, перчатки, шляпу и другие мелкие вещи, взятые им на память. Отослав письма и вещи, Бартенев поехал к своим знакомым Михаловским и вернулся около полуночи домой. Полчаса спустя горничная Виснов-

ской передала ему записку своей барычи, прибавив, что Висновская ждет его в карете. Несколько минут спустя Бартенев и Висновская уехали в город. На пути и в квартире на Новгородской улице происходили объяснения, кончившиеся тем, что Висновская назначила Бартеневу свидание в той же квартире на другой день в шесть часов. Это свидание, как говорила Висновская, должно было быть последним, потому что уже окончательно был решен ее отъезд через несколько дней за границу, сначала в Галицию, а затем в Англию и Америку.

На другой день в седьмом часу ожидавший Висновскую Бартенев открыл ей двери помещения на Новгородской улице. Войдя в комнату, Висновская положила на диван два свертка, раздевшись, вынула из одного из них пенюар, а из другого — большой заряженный принадлежавший Бартеневу и хранившийся у Висновской револьвер. На вопрос Бартенева, зачем она принесла револьвер, Висновская ответила, что он ей больше не нужен и что она возвращает его владельцу. В начале свидания оба находились под впечатлением размолвок последних дней; потом разговор стал нежнее, Бартенев говорил о любви, о том, что он не переживет ее отъезда, и вскоре прежние отношения возобновились. Приблизительно в десять часов вечера Висновской захотелось есть. Поужинав, Висновская легла на диван. Часа два спустя Висновская спросила Бартенева, который час. Оказалось, что полночь миновала, «Пора мне домой», — сказала Висновская и собиралась одеваться, но, по просьбе Бартенева, легла опять и задумалась. «Какая тишина, — сказала она через некоторое время, — мы точно в могиле». Потом, помолчав, прибавила: «Пора мне ехать, но как-то не хочется уходить, я чувствую, что не выйду отсюда». Бартенев на это

ничего не ответил, и разговор прекратился. «Разве ты меня любишь? – возобновила Висновская разговор, – если бы ты меня любил, то не грозил бы мне своей смертью, а убил бы меня». Бартенов возражал, что он себя может лишить жизни, но убить ее у него не хватит сил. Вслед за этим он прикладывал револьвер с взведенным курком к себе. «Нет, это будет жестоко, убить себя на моих глазах, что же я тогда буду делать», – сказала Висновская и, вынув из кармана своего платья две банки – одну с опиумом, а другую с добытым Бартеновым, по ее просьбе, хлороформом, предложила принять вместе яду, и затем, когда она будет в забытье, убить ее из револьвера и покончить затем с собой. Бартенов согласился. После этого они оба начали писать записки. Висновская писала долго, рвала записки и опять начинала писать. Окончив свои записки раньше Висновской, Бартенов начал ее торопить. После этого Висновская приняла опиум вместе с портером; Бартенов тоже выпил немножко отравленного портера. Затем Висновская легла на диван и, помочив два носовых платка хлороформом, положила их себе на лицо. Через некоторое время Бартенов присел на край дивана, обнял левой рукой находившуюся в забытье Висновскую и, приложив бывший у него в правой руке револьвер к обнаженной груди ее, спустил курок. Когда это случилось, Бартенов с точностью определить не мог; он допускает, однако, что выстрел последовал в три или после трех часов утра. Совершив убийство, Бартенов около пяти часов утра запер квартиру и, забрав с собой револьвер, уехал домой.

Объяснение обвиняемого о лишении им жизни Висновской по ее просьбе и согласно желанию убитой, говорит обвинительный акт, опровергается вполне как показаниями родственников и друзей потерпев-

шей, так и содержанием восстановленных из найденных на месте преступления разорванных на мелкие кусочки записок покойной. Текст записок гласит следующее: 1) «Человек этот угрожал мне своей смертью – я пришла. Живой не даст мне уйти» 2) «Итак последний мой час настал: человек этот не выпустит меня живой. Боже, не оставь меня! Последняя моя мысль – мать и искусство. Смерть эта не по моей воле». 3) «Ловушка? Мне предстоит умереть. Человек этот является правосудием!!! Боюсь... Дрожу! Последняя мысль моя матери и искусству. Боже, спаси меня, помоги... Вовлеки меня... это была ловушка. Висновская». По поводу содержания последних трех записок Бартенев ничего не смог ответить.

Он подробно описал все обстоятельства их пребывания в одной комнате перед убийством. «Я так был убежден, что отец никогда бы мне не разрешил жениться на Висновской, а поэтому и написал в записке фразу: «Вы не хотели моего счастья». Висновская долго писала записки, писала с расстановками, не спеша обдумывая. Напишет что-то и остановится, думая, глядя на дверь; опять напишет два-три слова и снова размышляет. Написав записки, она рвала их, бросала, куда попало, и снова принималась писать; опять рвала и снова продолжала писать. Я кончил писать гораздо раньше. Комната освещалась одной свечкой, когда мы начали писать, я хотел зажечь другую свечу, но она сказала: «Не нужно!». Сколько было написано ею записок, не знаю; помню только, что осталось их две; я спросил ее, что она написала; она ответила: одну матери, а другую в дирекцию театров; о разорванных записках я ее не спрашивал. Она захотела прочесть мои записки и разорвала ту, которую я написал в резкой форме Палицыну, сказав, что если ее оставить, то Палицын ничего не сделает

для матери, как она его о том просит в своей записке. Затем опять начался разговор о нашей любви, о безысходности положения, о том, что нам остается умереть, и тут я прибавил, что «уж если так, то надо это сделать поскорее!». Она решила сначала принять опиум, чтобы привести себя в бессознательное состояние, а я должен был сначала ее застрелить, а потом уж себя. Она насыпала в стакан с портером опия, и стала пить глотками эту смесь. Остаток, долив портером, выпил я. Она легла на диван и просила положить ей на колени две записки, ею написанные. Я это исполнил. Затем она намочила свой и мой платки хлороформом и наложила их себе на лицо. Помню, что она попросила дать ей еще опия; я подал, но она не приняла, так как у нее появилась рвота. Она просила убить ее во имя нашей любви, настойчиво повторяя: «Если ты меня любишь, убей», Я сидел возле нее с револьвером в правой руке и взведенным еще раньше курком. Я, кажется, обнял ее за шею левой рукой, а она все время лепетала, чтобы я ее убил, если люблю. Помнится, что я прильнул к ее губам; она по-французски сказала: «Прощай, я тебя люблю»; я прижался к ней и держал револьвер так, что палец у меня находился на спуске; я чувствовал подергивания во всем теле; палец как-то сам собой нажал спуск и последовал выстрел. Я не желаю этим сказать, что выстрелил случайно, неумышленно; напротив того, я все это делал именно для того, чтобы выстрелить, но только я хочу объяснить, что то мгновение, когда произошел выстрел, опередило несколько мое желание спустить курок. Голова у меня была, как в тумане. После выстрела мной овладел ужас, и в первый момент у меня не только не появилось мысли застрелить тут же себя, но у меня никаких мыслей не было или, вернее, они все перепутались в моей голове, и я не знал, что делать.

Мне помнится слабо, что я схватил сифон с сельтерской водой и стал ее лить на голову Висновской; для чего я это делал, не знаю; я не давал себе отчета в, бесполезности этой меры. Который был час в это время, не знаю: может быть, три часа, может быть, больше. Долго ли я оставался после выстрела и что я делал, не могу дать себе отчета. На меня нашло какое-то отупение, я машинально надел шинель и фуражку и поехал в полк. Не помню, запер ли я дверь или нет. Содержание трех разорванных записок меня удивляет; я не думал принуждать ее к смерти, я только говорил, что не могу жить без нее. Если бы сна хотела, она легко могла бы меня успокоить, так как вообще она могла делать со мной все, что ей было угодно. Стоило ей только сказать мне слово, что ничего этого не нужно, что она хочет еще жить, я был бы далек от мысли об убийстве я бы и сам, пожалуй, воздержался от мысли о самоубийстве. Но Висновская даже не намекнула на желание пользоваться жизнью, и, напротив того, своими разговорами поддерживала наше общее желание расстаться с жизнью во имя нашей любви». На вопрос о том, почему же Бартенев не убил себя, он ответил, что его душевное состояние было таково, что он об этом совсем не думал. По делу допрошено 67 свидетелей. Показания одних из них подтверждали намерение Бартенева лишить Висновскую жизни. Другие же указывали на такой характер их отношений, какой явствовал из показаний Бартенева. Бартенев был предан суду по обвинению в умышленном убийстве. Рассматривал дело Варшавский окружной суд без участия присяжных заседателей 7—10.2 1891 г.

* * *

Между обвинением и подсудимым в настоящем деле нет места для захватывающей дух борьбы, для непримиримого спора. Подсудимый, сознавшийся на предварительном следствии, подтвердил без всяких уклонений свое слово и здесь, на суде. Это упрощает задачу защиты, суживает объем ее, ограничивая ее доводы теми, которые по данным делам могут влиять лишь на меру и степень заслуженной подсудимым кары.

Формулируя с достаточной точностью признаки, по которым судья распознает между безнравственными поступками такие, которые влекут за собой уголовную кару, указывая на роды и виды наказаний, сопровождающих то или другое преступление, закон не исчерпал всех случаев, которые влияют на понижение назначенного наказания, но предоставил судьям значительную долю усмотрения при смягчении его. Все, что в жизни подсудимого, в его характере, в его прирожденных достоинствах и недостатках, наконец, в обстановке совершенного им преступления возбуждает сожаление, снисходительное сострадание в честном человеческом сердце, все это имеет право принять во внимание и судья, отправляющий правосудие. Отсюда следует, что изучение условий, которые влияют на меру наказания, ожидаемого подсудимым, должно совпасть с воспроизведением тех фактических подробностей дела, в которых заключаются яркие признаки наличности данных, уполномочивающих меня говорить о пощаде и снисхождении к моему клиенту. Останавливаясь на них, я воспользуюсь планом обвинителя: сначала изучу прошлое подсудимого и его жертвы до их первой встречи и затем уже, прОследив печальную драму, начавшуюся их